

— Вчера вечером я находилась в покоях госпожи, мы занимались вышивкой. Когда господин долго не возвращался, госпожа послала меня в кабинет пригласить его. Он сказал, что придёт через несколько минут. Я вернулась и доложила госпоже, после чего она велела мне сходить на кухню за лекарством. В то время на кухне была только сестрица Цю Лянь, она отвечает за приготовление всех отваров в доме. Каждый вечер в конце часа Хай я прихожу на кухню забрать лекарство для господина. Когда я пришла, сестрица Цю Лянь передала мне отвар, и я, пока он не остыл, отнесла его в покои госпожи. Госпожа сама подала его мужу, а я удалилась во внешнюю комнату.

Дуань Минчэнь спросил:

— Когда ты несла отвар из кухни в покои госпожи, останавливалась ли ты в пути? Кто-нибудь прикасался к этой чашке?

Дун Мэй очень уверенно покачала головой:

— Я боялась, как бы лекарство не остыло, поэтому шла быстро, нигде не останавливалась, и никто к нему не прикасался. В этом я совершенно уверена.

— После того как господину стало плохо, госпожа приказала тебе найти врача. Ты сама его искала?

— Я слабенькая, бегаю небыстро, побоялась потерять время, поэтому пошла к управляющему, дядюшке Чжуну. Дядюшка Чжун немедленно послал кого-то за врачом.

— Сколько примерно времени прошло с момента, когда ты нашла дядюшку Чжуна, до того, как врач прибыл в дом?

— Дай-ка подумать... примерно время, за которое выпивается чашка чая. Врач изо всех сил старался поскорее добраться, но, увы, было уже слишком поздно...

Дуань Минчэнь задумался, затем снова спросил:

— Твоя госпожа хорошо разбирается в составлении благовоний?

Дун Мэй покачала головой:

— Госпожа любит слушать оперу, читать и декламировать стихи, а вот в составлении благовоний она не сильна.

— Тогда откуда взялись благовония, что курились в её комнате?

— Это... я не знаю, я их не покупала. Однако госпожа Шэнь очень искусна в составлении благовоний. Раньше, когда они дружили, она часто дарила благовония моей госпоже.

— О? Ты говоришь, госпожа Шэнь и твоя госпожа раньше были близки, а сейчас — нет?

На лице Дун Мэй отразилось сожаление:

— Да, они были самыми закадычными подружками, делились всем на свете, даже ближе, чем родные сёстры! Но после того как моя госпожа вышла замуж за господина, их отношения стали холодными как лёд. С тех пор как госпожа вошла в этот дом, госпожа Шэнь ни разу не переступила порог её покоев, словно собиралась порвать все связи. Госпожа из-за этого очень страдала!

Дуань Минчэнь подумал про себя, что это и неудивительно: лучшая подруга внезапно стала мачехой — кому такое понравится? Поведение госпожи Шэнь вполне объяснимо.

Дуань Минчэнь снова достал маленькую бутылочку с вином «Белый цвет груши» и спросил:

— Видела ли ты когда-нибудь эту бутылку? Знаешь, чья она?

Дун Мэй с совершенно недоумевающим видом покачала головой:

— Никогда не видела и не знаю, чья она.

— А известно ли тебе, кто в этом доме любит приложиться к вину?

— Это... Я служанка, пришедшая с госпожой, в доме Шэнь нахожусь меньше месяца, обстановку здесь ещё не очень хорошо знаю, не могу строить необоснованных догадок.

Дуань Минчэнь кивнул:

— На этом всё, можешь идти.

После допроса Се Хуэйлань и её служанки Дуань Минчэнь немного упорядочил мысли. Судя по словам этих двоих, можно сделать вывод, что убийца, скорее всего, подмешал вино в отвар, поднимающий ян, именно во время его приготовления. Время преступления, вероятно, приходится на период между концом часа Сюй и шестью четвертями часа Хай. Что же касается того, как именно это было совершено, нужно допросить остальных, возможно, удастся найти зацепки.

Дуань Минчэнь решил изменить порядок: сначала допросить управляющего и служанку, готовившую отвар, а уж потом Шэнь Юйчжу и наложницу Цзян.

Управляющий Шэнь Чжун стоял, почтительно опустив руки, на его честном лице читалась не скрываемая печаль.

— Этот старый слуга провёл в доме Шэнь более тридцати лет, с тех пор как господину было десять от роду, я уже был при нём. Господин был человеком широкой души и добродетельным, и уж никак не ожидал, что он так внезапно уйдёт... Небо завидует талантам...

Шэнь Чжун говорил и утирал рукавом слёзы, явно глубоко опечаленный безвременной кончиной хозяина.

Дуань Минчэню пришлось призвать его к сдержанности в горе, утешить парой фраз, прежде чем перейти к сути.

Обстоятельства, при которых Шэнь Цзюньжу стало плохо, по словам Шэнь Чжуна, совпадали с рассказами Се Хуэйлань и Дун Мэй. Получив сообщение от Дун Мэй, он почувствовал серьёзность ситуации и немедленно отправил человека на быстром коне в ближайшую лечебницу, чтобы привезти врача для оказания помощи, но, увы, было уже слишком поздно.

Дуань Минчэнь спросил:

— Где ты находился и что делал вчера вечером с часа Сюй до часа Хай?

Управляющий замер, инстинктивно начав оправдываться:

— Господин, вы же не думаете, что это я?

— Этот вопрос очень важен, я задам его каждому в доме. Тебе не нужно нервничать.

Тогда управляющий ответил:

— Вчера с часа Сюй до часа Хай я всё время сверял присланный семьёй Вэй список подарков, пересчитывал количество свадебных даров и вносил в реестр. В то время со мной был старый бухгалтер Чжан, он может это подтвердить.

Дуань Минчэнь почувствовал, что зашёл в тупик, встал и сделал несколько медленных шагов по комнате.

Время преступления — между концом часа Сюй и концом часа Хай. Однако в любом убийстве важнее всего мотив, и этот мотив, очевидно, не мог возникнуть только вчера вечером.

Поэтому Дуань Минчэнь велел управляющему Шэнь Чжуну рассказать обо всём, что происходило в доме в течение дня.

Шэнь Чжун, припомнив, начал неторопливый рассказ:

— В последнее время в доме всю готовились к свадьбе госпожи. Госпожа — единственная дочь хозяина, с приданым, естественно, нельзя было халтурить, чтобы не уронить лицо нашего дома Шэнь. Сама госпожа также относилась к этому крайне серьёзно. Сегодня утром вышивальная мастерская доставила вещи, госпожа лично пошла посмотреть и обнаружила, что на вышитых парных подушках и покрывалах утки-мандаринки были сделаны нитями не того цвета.

— Госпожа сильно разгневалась, приказала мастерской переделать, но та заявила, что получила именно такие указания, и к тому же сейчас в мастерской большая загрузка, рабочих рук катастрофически не хватает. Даже если браться за переделку, оставалось меньше двух дней, и они, боятся, не успеют.

— У госпожи от этого испортилось настроение, и, прогуливаясь по саду, чтобы развеяться, она услышала, как две болтливые служанки смеются над этой ситуацией. Обе служат наложнице Цзян, одна из них — её молочная мать. Они насмеялись над госпожой, говоря, что та выходит замуж за бедного учёного, а сама будто хочет весь дом Шэнь с собой унести, и даже такого богатого приданого ей мало, выискивает косточки в яйце и предъявляет кучу требований.

— Госпожа, услышав это, расплакалась. Она и так слаба здоровьем, а после этих переживаний и вовсе заболела. Господин, узнав об этом, пришёл в ярость и велел подвергнуть тех болтливых служанок домашнему наказанию: дать сорок ударов палками и выгнать из дома. Наложница Цзян, услышав вести, прибежала со слезами умолять господина пощадить её молочную мать.

— Это лишь подлило масла в огонь. Господин сурово отчитал наложницу Цзян за то, что та не умеет управлять подчинёнными, «кривая балка — кривые стропила», и даже заподозрил, что это она подстрекала служанок злословить за спиной и сеять раздор. Наложница Цзян в недовольстве парировала несколько фраз, но это ещё больше разозлило господина, и тот пригрозил отправить её в загородную усадьбу.

— Как раз в этот момент молодой господин вернулся с улицы, услышал об этом и сильно перепугался, поспешил заступиться за наложницу Цзян. Молодой господин обычно праздно шатался, в учёбе не преуспевал, господин и раньше был им недоволен, а увидев, как тот ещё и

поддерживает наложницу, идя против воли отца, и вовсе вышел из себя, дал ему две пощёчины, принялся бранить «проклятым негодяем» и сказал, что после смерти лучше конфискует имущество в казну, чем оставит ему!

Дуань Минчэнь, хмурясь, дослушал до этого места и не выдержал, перебил:

— Погоди. По-твоему, это были лишь гневные слова господина, или же он и вправду так считал?

Шэнь Чжун вздохнул:

— По правде говоря, молодой господин в последние годы становился всё хуже, и господин был им недоволен уже не первый день. Однако высказать такое при всех — это было впервые, видно, разочарование достигло предела. Господин часто сокрушался: будь у молодого господина хоть треть ума госпожи, у дома Шэнь были бы наследники. Однако госпожа в конце концов выйдет замуж и уйдёт, а господин женился вновь, желая родить законного сына, дабы передать ему семейное дело.

Дуань Минчэнь подумал про себя: Шэнь Цзюньжу много лет был вдовцом, рядом была лишь одна наложница — можно сделать вывод, что он не был сластолюбцем. Однако в последнее время он постоянно принимал отвар, поднимающий ян, что говорит о его страстном желании иметь сына.

Дуань Минчэнь спросил:

— Какова была реакция молодого господина Шэня на побои? И как отреагировала наложница Цзян?

— Молодой господин, кажется, был несколько не покорён, стоял на коленях, вытянув шею. Наложница Цзян же от страха побелела, при господине не посмела больше слова вымолвить, лишь после его ухода принялась тихонько плакать и браниться.

— Кого она бранила?

— Бранила... бранила госпожу... — Шэнь Чжун, казалось, испытывал неловкость, но решил говорить как есть. — Наложница Цзян называла госпожу лисой-искусительницей, которая день и ночь прибирает к рукам господина, сбивает его с толку, заставляя быть несправедливым, и гонит их с сыном в гроб.

— Значит, между наложницей Цзян и госпожой Се обычно были трения?

<http://bllate.org/book/16283/1466654>